

Годъ изд.

XXI.

РИЖСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два
раза въ мѣсяцъ:
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца.
Цѣна ПЯТЬ руб.
въ годъ съ пере-
сылкою.

№ 17.

1 сентября 1908 г.

ПОДПИСКА

принимается въ
редакціи: г. Рига,
Малая Замковая
ул. № 13, кв. 2.
Телеф. № 40-49.

Объявленія для печати принимаются за одну страницу — 3 рубля,
1/2 стран. — 1 р. 50 к., 1/4 стран. — 75 к.

За перемѣну адреса взимается 30 коп.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя извѣстія.

Опредѣленъ къ исправленію должности псаломщика при Ревельскомъ Александро-Невскомъ соборѣ окончившій 4 класса Рижской Духовной Семинаріи Иванъ Вознесенскій съ 14 августа.

Допущены къ временному исполненію обязанностей псаломщика при церквахъ: Зонтагской—бывшій псаломщикъ Иванъ Мянникъ и Пюхтицкой монастырской—учитель Мегикормской вспомогательной школы, Раппинскаго прихода, Иванъ Рыбаковъ, оба съ 26 августа.

Допущенъ къ временному завѣдыванію Гарьельскимъ приходомъ состоящій на псаломщической вакансіи

при Пирисаарской церкви священникъ Константинъ Богдановъ съ 20 августа.

Уволены отъ службы по Рижскому епархіальному вѣдомству псаломщики церквей: Зонтагской—Антоній Пускаръ, согласно прошенію, съ 15 августа, Либавской Свято-Троицкой—Павель Граузинъ, согласно прошенію, съ 16 августа, Феллинской—Константинъ Лузикъ, согласно прошенію, съ 22 августа, Гелламской—Андрей Ристьковъ, съ 22 августа, и Гельметской—Петръ Рянгель, согласно прошенію, съ 2 августа.

Имѣются вакантныя мѣста: священника при церквяхъ: Веллиской, Мяэмызской, Каркусской, Эммастской, Кокенгузенской, Иоанновской; діакона при церквяхъ: Феллинской и Рижскомъ кафедральномъ соборѣ, и псаломщика при церквяхъ: Оберпаленской, Вейсенштейнской, Лаздонской, Тенасильмской, Гангофской, Валкской Николаевской, Перновской Екатерининской, Либавской Свято-Троицкой, Зонтагской, Пирисаарской, Гелламской, Феллинской и Гельметской.

ВОЗЗВАНІЕ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о намѣреніи почитателей памяти погибшаго отъ руки убійцы Главнаго Командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря Вице-Адмирала Чухнина образовать, путемъ повсемѣстной въ Имперіи подписки, капиталъ имени покойнаго,—проценты съ коего обращались бы на выдачу пособій и пенсій лицамъ, пострадавшимъ отъ проявленій революціоннаго террора при исполненіи служебныхъ обязанностей, а также ихъ семь-

ямъ, и о выраженіи по этому случаю вѣрноподданническихъ чувствъ въ 14 день Мая 1907 года **Всемилоствѣйше** соизволилъ начертать:

„Искренно сочувствую мысли увѣковѣчить память доблестнаго Вице-Адмирала Чухнина“.

28-го іюня 1906 г. отъ руки гнуснаго убійцы палъ Адмиралъ Чухнинъ, честный стойкій труженикъ, неустрашимый герой долга, палъ на своемъ посту, ужасной жертвой крамолы. . .

Каждый день гибнуть незамѣнимые люди, гибнуть и незамѣтные, неизвѣстные, скромные, но высокіе герои честно выполненнаго долга, охранители нашего спокойствія и безопасности, блюстители порядка и закона. Ежедневно по всей Россіи разносятся новыя страшныя вѣсти, о новыхъ убійствахъ, о новомъ неутѣшномъ горѣ оставшихся обездоленныхъ семей, обреченныхъ на нищету на безысходное страданіе.

Невольно залегаетъ на сердце жалость къ этимъ несчастнымъ невиннымъ страдальцамъ слѣпозаконопроизвола, этимъ беспомощнымъ сиротамъ, дѣтямъ и семьямъ бѣдныхъ сторожей, дворниковъ, городскихъ, солдатъ, этихъ безчисленныхъ героевъ честно выполненнаго долга. Чаше всего несчастныя семьи остаются совершенно беспомощными.

Неужели же мы, русскіе люди, отнесемъ хладнокровно къ такому великому горю и не облегчимъ ихъ ужаснаго положенія, хотя бы посильной матеріальной поддержкой. Неужели же въ эти тяжелые дни, когда все страдаетъ подъ грубымъ гнетомъ разнузданности и произвола, когда добрая совѣсть не останавливаетъ зло и преступленіе разливается все шире и дальше кровавымъ потокомъ, когда гибнетъ столько невинныхъ жертвъ, честныхъ борцовъ долга и присяги, неужели же мы отнесемъ ко всему этому безучастно, не возмутимся духомъ, не сплотимся, не найдемъ въ себѣ силъ и возможности противустать наглому

звѣрству убійць, и не придемъ на помощь, хотя бы матеріальной жертвой несчастнымъ страдальцамъ террора!

Пусть этотъ крикъ души будетъ мощнымъ кличемъ, объединяющимъ всѣ добрыя силы, всѣ русскія чувства и стремленія...

Пусть отзовутся наболѣвшія струны сердца въ одномъ чувствѣ, въ одной идеѣ облегченія участи этихъ безпомощныхъ страдальцевъ...

Что не по силамъ одному человѣку, то въ рукахъ общества людей.

Открывая съ **Высочайшаго** соизволенія повсемѣстную въ Имперіи подписку, Комитетъ капитала имени Вице-Адмирала Чухнина считаетъ своимъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что, согласно § 5 утвержденного положенія о вышеупомянутомъ капиталѣ, правомъ на получение пособій и пенсій будутъ пользоваться всѣ безъ изъятія лица, пострадавшія отъ проявленій революціоннаго террора, при исполненіи служебныхъ обязанностей, а также и ихъ семьи, *независимо отъ мѣста жительства и службы въ предѣлахъ Россійской Имперіи*. Въ слѣдствіи чего, комитетъ и обращается по *всей Россіи* съ глубокой просьбой помочь общему дѣлу увеличенія капитала, приглашая всѣхъ сочувствующихъ этой идеѣ внести посильную жертву въ любомъ видѣ или формѣ.

Пожертвованія просятъ адресовать въ г. Севастополь въ Комитетъ по дѣламъ капитала имени Вице-Адмирала Чухнина.

Предсѣдатель Комитета

Вр. Генераль Губернаторъ, и. д. Главнаго Командира Черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря и Начальникъ гарнизона г. Севастополя (подписаль)

Контръ-Адмираль Виренъ.

Членъ-Секретарь (скрѣпилъ) Полковникъ Уклонскій.

Редакторъ, Секретарь Консistorіи **П. Соколовъ.**

Отдѣлъ неофициальный.

С Л О В О

въ недѣлю о разслабленномъ,

сказанное въ Митавскомъ Симеоно-Аннинскомъ соборѣ, при
Архіерейскомъ служеніи 4 мая 1908 года.

*„Ей, Господи, челоуька не
имамъ, да егда возмутится вода,
ввержетъ мя въ купель“ (Іоан. 5, 7).*

Когда мы находимся въ довольствѣ и счастіи, вокругъ насъ собирается множество людей: всѣ—наши друзья, всѣмъ мы пріятны, всѣ охотно идутъ въ нашъ домъ. Но вотъ счастье измѣняетъ намъ: нѣтъ уже прежняго довольства, мы не зовемъ на пиры, насъ постигаетъ бѣдность, болѣзнь или другое какое либо несчастье . . . И положеніе наше также измѣняется: прежде много было у насъ друзей, а теперь нѣтъ ни одного, прежде много людей приходило раздѣлять нашу радость, а раздѣлить горе и нужду не приходитъ никто, прежде множество рукъ протягивалось къ намъ для дружескаго пожатія, а теперь—увы!—нѣтъ той благодѣтельной руки, которая перевязала бы наши раны, нѣтъ челоуька, который оказалъ бы намъ необходимую помощь или даже простое дружеское участіе.

Въ такомъ положеніи находился, бр., тотъ разслабленный, о которомъ вы слышали въ чтенномъ нынѣ евангеліи. Тридцать восемь лѣтъ лежалъ онъ неподалеку отъ чудесной купели, приносившей людямъ исцѣленіе отъ недуговъ, лежалъ безъ движенія, больной и одинокій, въ страданіяхъ тѣлесныхъ и въ мукахъ душевныхъ, лежалъ и ждалъ, не придетъ ли къ нему кто изъ друзей или знакомыхъ, не протянетъ ли ему руку помощи, не скажетъ ли слово участія, не облегчитъ ли его горькаго одиночества . . . Жди,

бѣдный разслабленный! . . . Долго тебѣ придется ждать. И дѣйствительно, тридцать восемь лѣтъ ждалъ разслабленный, не опуститъ ли кто его въ чудесную купель, когда возмутится въ ней вода, и никто не приходилъ. И вотъ, когда наконецъ пришелъ къ нему Небесный Другъ, то крикъ отчаянія вырвался изъ души несчастнаго: „*Ей Господи, чловѣка не имамъ*“.

Въ подобномъ положеніи весьма часто находится множество людей. Счастье такъ измѣнчиво, а люди такъ непостоянны! И какъ часто въ минуты житейскаго ненастья, подобно бѣдному разслабленному, мы бываемъ безпомощно-одиноки; какъ часто, подобно ему, и изъ нашего сердца готовъ вырваться вопль отчаянія: „*чловѣка не имамъ*“! И такъ какъ въ нашемъ мѣрѣ горя да нужды, болѣзней, страданій и несчастій всякаго рода—необъятное море, а люди и теперь еще мало спѣшатъ на помощь другъ другу, то, можно сказать, ежечасно раздается по всему лицу земли тотъ горькій крикъ: „*чловѣка не имамъ, чловѣка не имамъ*“! . . .

Но, братіе, не имѣемъ чловѣка, да имѣемъ Бога! Никто изъ людей не пришелъ къ разслабленному на помощь, но пришелъ къ нему Господь. Такъ нерѣдко бываетъ и съ нами. Когда впадаемъ мы въ глубину зла, когда люди насъ не хотятъ знать, друзья измѣняютъ, близкіе оставляютъ, когда безысходный мракъ окружаетъ душу и кажется, что мы погибаемъ—вдругъ, невѣдомо откуда, блеснетъ небесный лучъ, разгонитъ облегающія насъ житейскія тучи, снова засвѣтитъ надъ нами солнце счастья, и жизнь возвращаетъ намъ свои радости . . . Такъ было съ Ювомъ праведнымъ; такъ было съ благочестивымъ Товитомъ; такъ было съ Юсифомъ въ Египтѣ. Да и съ кѣмъ такъ не бывало? Каждый, можно сказать, разсмотрѣвши внимательно свою жизнь, найдетъ въ ней что-либо подобное. Тайственными, незримыми путями часто приходитъ къ намъ Господь, въ разныхъ видахъ является намъ, какъ Небесный По-

мошникъ, такъ что мы не всегда и замѣчаемъ Его чудную благодѣющую руку. Онъ бываетъ къ намъ слишкомъ близко и мы, подобно Маріи Магдалинѣ въ саду Іосифа, погруженные въ свое горе да заботы, не замѣчаемъ и не узнаемъ Его отъ этой самой близости. Но въ минуты душевнаго просвѣтлѣнія, очнувшись отъ житейскихъ думъ и оглянувшись на свое прошлое,—вспомнивъ, на примѣръ, какъ неожиданно выходили мы изъ самыхъ тяжелыхъ затрудненій или достигали желанныхъ цѣлей совсѣмъ не такъ, какъ думали, — тогда мы сразу понимаемъ, что это значить и говоримъ: это Господь! . . . Онъ приходитъ къ намъ то какъ Небесный Врачъ, исцѣляющій недуги и возвращающій намъ силы, то какъ милосердый царь, прощающій должника, то какъ странникъ, несущій чудную вѣсть Аврааму, то какъ Отецъ, пріемлющій въ объятія блуднаго сына, то какъ Закхей, раздающій нищимъ имѣніе. И разными другими путями, коихъ исчислить невозможно, приходитъ къ намъ въ трудныя минуты жизни Господь и даруетъ свою благодатную помощь. Но особенно любитъ Господь, какъ вы видите, бр., уже изъ приведенныхъ примѣровъ, входить въ сердца людей и чрезъ нихъ посылать намъ свои благодѣанія. И это понятно: вѣдь люди созданы по образу и по подобію Божію: въ душѣ чловѣка живетъ часть Божества . . . И если вы были счастливые евангельскаго разслабленнаго, если къ вамъ въ минуты страданій пришелъ на помощь добрый чловѣкъ, то знайте, что вмѣстѣ съ нимъ приходитъ къ вамъ Господь. Ибо, у кого нѣтъ Бога въ душѣ, тому совсѣмъ не кстати думать о другихъ, тому впору заботиться только о самомъ себѣ.

Но почему же, спросите вы, Господь такъ рѣдко входить въ сердца людей, почему люди такъ мало, такъ неохотно идутъ на помощь своимъ страждущимъ братьямъ, почему нерѣдко около насъ, подобно евангельскому разслабленному, не оказывается ни одного сострадательнаго

сердца, ни одной любящей души? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и заключается, бр., наше горе, общее горе всѣхъ людей. Вотъ въ томъ-то и бѣда наша, что сами мы часто не пускаемъ Господа въ свое сердце, и такихъ людей много, очень много, а оттого и горя,—великаго, безпомощнаго горя,—всегда на свѣтѣ много. Ибо не во всякое сердце можетъ войти Господь, а только въ то, которое открыто для Него и съ радостію готово принять Его: „*Се стою при дверехъ и толку, говоритъ Господь: аще кто услышитъ гласъ мой и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со Мною*“ (Апок. III, 20).

И если бы эти двери, двери нашего сердца, мы почаще открывали для Бога, то и Богъ чаще входилъ бы въ наши сердца, и мы были бы лучше, чище и добрѣе, скорѣе отзывались бы на чужое горе, охотнѣе спѣшили бы на помощь тѣмъ, кто въ ней нуждается. И тогда страданія уменьшились бы на землѣ, не стало бы среди насъ безпомощныхъ разслабленныхъ, и всѣмъ стало бы легче и лучше жить на свѣтѣ.

Вы видите, бр., какого великаго значенія для жизни исполнено это дѣло—носить Бога въ душѣ своей, открыть для него свое сердце. Откройте же сердца ваши для Бога любви и милосердія и вмѣстѣ съ Нимъ спѣшите на помощь вашимъ страждущимъ братьямъ. И если васъ самихъ постигнуть страданія въ жизни, то вѣруйте, что Господь не презритъ вашихъ скорбей, Онъ посѣтитъ васъ въ дни печали, Онъ придетъ къ вамъ на помощь, какъ пришелъ къ евангельскому разслабленному. Вѣруйте только и молитесь Ему, ибо благочестивые люди замѣтили, что именно послѣ усердной молитвы Господь скоро и подчасъ даже неожиданно для насъ посылаетъ намъ свою благодатную помощь.

Священникъ Влад. Поповъ.

Судьба православія въ Лифляндіи съ 40-хъ до 80-хъ годовъ XIX столѣтія.

Причины, вызвавшія религіозныя движенія среди Прибалтійскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ XIX-го столѣтія, и движеніе 1841-го года.

(Продолженіе).

Православіе неоспоримо уже въ началѣ XIII вѣка появилось среди туземнаго населенія Прибалтійскаго края, только съ завоеваніемъ края нѣмцами—католиками оно было на туземной почвѣ искоренено и осталось здѣсь только среди русскихъ людей, селившихся въ краѣ по преимуществу въ торговыхъ интересахъ.

Въ сороковыхъ же годахъ XIX-го столѣтія православіе снова появляется среди туземцевъ края. Въ періодъ времени съ 1845 по 1848 годъ слишкомъ 100 тысячъ душъ эстовъ и латышей присоединилось изъ лютеранства къ православію. Причины, обусловливавшія это явленіе, весьма сложны и скрывались какъ въ религіозныхъ, такъ и экономическихъ и политическихъ условіяхъ жизни эстолатыскаго населенія края.

Положеніе Прибалтійскихъ крестьянъ со времени покоренія ихъ нѣмцами было весьма печально. Потерявъ всѣ права въ личномъ и имущественномъ отношеніи, они считались безусловною собственностью своихъ господъ. Пслѣдніе старались всячески извлекать изъ нихъ какъ можно больше выгодъ для себя, при чемъ мѣриломъ своихъ отношеній къ рабамъ поставляли лишь собственный произволь. Время отъ времени положеніе крестьянъ все болѣе и болѣе ухудшалось. Нѣсколько разъ до XVI вѣка они пытались свергнуть съ себя иго рабства, но безуспѣшно. Пслѣ подобныхъ попытокъ жизнь ихъ обыкновенно становилась еще тягостнѣе. Легать польскаго короля Стефана Баторія (XVI в.) свидѣтельствуеть, что „притѣсненія Лиф-

ляндскаго крестьянства его господами изумительны; угнетенія, коимъ они подвергаютъ своихъ крестьянъ, не слыханы даже между язычниками и варварами по всей вселенной“¹⁾. Рюссовъ, лѣтописецъ XVI-го вѣка, также называетъ Лифляндскихъ крестьянъ самыми несчастными подъ всей вселенной“²⁾.

Въ періодъ польскаго и шведскаго владычества правительства этихъ государствъ обратили вниманіе на печальное положеніе крестьянъ и прилагали старанія къ облегченію условій жизни крестьянства. Въ это время между прочимъ у господъ отнято было безусловное право суда надъ крестьянами, а крестьянамъ дано право жаловаться на помѣщиковъ; въ такъ называемыхъ „вакенбухахъ“ опредѣлены были обязанности земледѣльцевъ по отношенію къ помѣщикамъ за пользованіе землею; а въ 1681 году Карлъ XI даже предложилъ дворянству дать свободу крестьянамъ³⁾. Однако остзейское рыцарство умѣло такъ ловко обходить всѣ нововведенія и предложенія правительства, что положеніе крестьянъ отъ нихъ почти не улучшалось⁴⁾. Въ половинѣ XVII-го вѣка, какъ свидѣтельствуется Олеарій, ученый секретарь Гольштинскаго посольства, нѣмцы еще по прежнему угнетали крестьянъ. „Крестьянамъ часто не оставляется ничего, кромѣ жизни. Если чего не выжмутъ съ нихъ по своей строгости господа, то доберутъ ихъ управляющіе. Ихъ бѣдняжекъ такъ притѣсняютъ и разоряютъ, что они не знаютъ, что и дѣлать.

1) Kelch, Livland Geschichte, B. I s. 240.

2) „Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и древн. Росс. 1865 г. IV ч. 185 стр.

3) *ibid.* 186.

4) Въ очеркѣ своемъ мы характеризуемъ общее положеніе дѣлъ, оговаривая, что среди господъ всегда, какъ исключеніе, встрѣчались единичныя личности, которыя относились гуманнѣе къ крестьянамъ и иногда даже возвышали голосъ свой въ защиту ихъ.

Одинъ крестьянинъ, преслѣдуемый управляющимъ, съ отчаянія повѣсилъ себя и свое семейство“⁵⁾).

Съ переходомъ края подъ власть Россіи положеніе крестьянъ нисколько не улучшается, не смотря на то, что Петръ I и Екатерина II старались поддерживать здѣсь въ крестьянскихъ дѣлахъ предначинанія шведскаго правительства. На ландтагѣ 1765 года графъ Браунъ сказалъ, что „крестьяне въ Лифляндіи не имѣютъ никакой собственности даже въ тѣхъ предметахъ, которые они пріобрѣли потомъ и кровію,—что обязанности ихъ неопредѣлены, а жестокость къ нимъ помѣщиковъ перешла всякую мѣру“⁶⁾. Имъ не давали отдыха и въ воскресные дни⁷⁾.—Такое положеніе вещей продолжается до 1800 года. Около этого времени Императоръ Павелъ I предписалъ Лифляндскому генералъ-губернатору, что въ случаѣ, если помѣщики будутъ впредь требовать съ крестьянъ что-нибудь сверхъопредѣленнаго въ „вакенбухахъ“,—лишать ихъ всѣхъ ихъ имѣній⁸⁾. Не много спустя послѣ этого русское правительство рѣшилось обезпечить хозяйственный бытъ Прибалтійскаго крестьянства. Былъ составленъ и Высочайше утвержденъ (въ 1804 г.) особый проектъ объ ограниченіи правъ помѣщиковъ и о предоставленіи крестьянамъ права наследственнаго пользованія землею⁹⁾. Въ 1809 г. учреждена была особая комиссія для составленія новыхъ „вакенбуховъ“, въ которыхъ надлежало точно опредѣлить обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ. Комиссія эта, засѣдавшая въ Валкѣ, работала десять лѣтъ. Лишь только она успѣла окончить свои занятія, послѣ чего крестьянъ

⁵⁾ Путешеств. Голшт. посол. въ Московію... , Оларій, С.П.Б. 1865 стр. 66.

⁶⁾ „Чтенія“... 1865, IV, 187 стр.

⁷⁾ Памятн. нов. русс. ист. т. I, стр. 20.

⁸⁾ „Чтенія“... 1865, IV, 188 стр.

⁹⁾ „Окраины Россіи. Самаринъ, вып. III, стр. 74.

должна была ожидать лучшая будущность, какъ вдругъ дѣла измѣнились,—все было предотвращено дальновиднымъ рыцарствомъ. Последнее прибѣгло къ весьма ловкому маневру, чтобы надолго обезпечить себѣ выгодность позиціи. Маневръ этотъ, названный Лифляндскимъ ландратомъ Самсономъ фонъ Гиммельстьерномъ,—выгодною сдѣлкой (ein gutes Geschäft), ¹⁰⁾ рыцари прикрыли покровомъ своего мнимаго великодушія и заботы о крестьянахъ. Въ 1819 г. Прибалтійское дворянство само вызвалось дать личную свободу своимъ крестьянамъ. Правительство, усматривая въ предложеніи доброе намѣреніе помѣщиковъ, приняло какъ самое предложеніе, такъ и представленныя вмѣстѣ съ нимъ слѣдующія условія. 1. Крестьянинъ—человѣкъ свободный; но онъ однако не можетъ безъ разрѣшенія своего помѣщика отлучаться за предѣлы своей губерніи, и помѣщикъ въ качествѣ полицейскаго чиновника имѣетъ право по своему усмотрѣнію подвергать его тѣлесному наказанію. 2. Вся земля принадлежитъ помѣщику, но часть ея (неопредѣленная) остается въ пользованіи крестьянъ. 3. Вакенбухи и всякія, опредѣленныя закономъ повинности крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ, теряютъ всякое значеніе; размѣръ оброковъ за пользованіе землею опредѣляется полюбовнымъ соглашеніемъ крестьянъ съ помѣщиками ¹¹⁾. Въ силу означенныхъ условій крестьяне, получивъ личную свободу, оказались по прежнему въ полной зависимости отъ произвола помѣщиковъ; а въ силу того, что упразднены были вакенбухи, положеніе ихъ стало теперь еще значительно хуже. Лишенные земли и права выселенія изъ своей губерніи,—крестьяне волей-неволей должны были соглашаться на всѣ условія, какія бы ни предлагалъ имъ помѣщикъ за пользованіе землею. Помѣщики же рады были

¹⁰⁾ Чтенія. . . 1865, III, 139 стр.

¹¹⁾ *ibid.* 189 стр.; Окраины. . . I, 74—75; III 23.

воспользоваться выгодностію своего положенія. Лучшія крестьянскія полевая угодія были скоро отобраны изъ пользования крестьянъ и прирѣзаны къ господскимъ полямъ. Оставшіяся у крестьянъ земли дѣлились все на меньшіе и меньшіе участки, за пользованіе которыми оброки все болѣе и болѣе увеличивались. Письменные контракты на время исчезли. Съ теченіемъ времени повинности крестьянъ сдѣлались чрезвычайно обременительными и барщина дошла до невѣроятной степени. Кромѣ того многіе изъ крестьянъ лишаемы были своихъ участковъ, вслѣдствіе чего чрезъ два три десятка лѣтъ въ странѣ образовался громадный процентъ безземельнаго пролетаріата ¹²⁾. Все это были послѣдствія положенія 1819 г. Крестьяне очутились въ безвыходномъ положеніи ¹³⁾. Жаловаться было некому. Ужасныя истязанія, постигавшія ихъ за попытки въ этомъ родѣ (жалобы государю) были у всѣхъ на виду ¹⁴⁾. Правда, въ краѣ существовала цѣлая система всевозможныхъ судовъ, высшихъ и низшихъ, но въ нихъ съ точки зрѣнія закона помѣщикъ являлся неподсуднымъ. Даже въ случаѣ очевидной несправедливости, оказанной имъ крестьянину, помѣщикъ обыкновенно всегда выходилъ изъ суда оправданнымъ. Чтобы жаловаться въ высшую судебную инстанцію, крестьянинъ долженъ былъ сначала увѣдомить объ этомъ помѣщика и непременно заpastись отъ него (т. е. отъ лица, на которое жалуется) свидѣтельствомъ о такомъ увѣдомленіи. Понятно, помѣщикъ могъ не дать свидѣтельства, а безъ такого свидѣтельства жалобу на помѣщика въ высшую судебную инстанцію не принимали. И что предста-

¹²⁾ *ibid.* III, 23—32; II. 13—14; Чтенія. . . 1865 г. IV, 189 стр.

¹³⁾ Само правительство впослѣдствіи пришло къ тому убѣжденію, что „отъ новаго порядка благосостояніе крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ“, *Окраины. . .* III, 25 стр., примѣч.; *Отзывъ тов. министра вн. д. Сенявина. Чтенія. . .* 1865 г. IV, 189 стр.

¹⁴⁾ *Пам. нов. р. Ист.* I т. 15—20 стр.

вляли изъ себя эти высшіе суды? Здѣсь засѣдали лица изъ среды тѣхъ же помѣщиковъ—лица ими же самими избранныя. Только въ низшихъ судахъ было нѣсколько засѣдателей со стороны крестьянъ, но и эти опять-таки начались и утверждались на мѣста дворянствомъ. Дворянство же обыкновенно всегда заступалось за своего сочлена ¹⁵⁾. За незначительными исключеніями все оно питало полнѣйшее презрѣніе къ крестьянству. Считая крестьянъ только рабочей силой и даже не признавая за ними человѣческихъ достоинствъ, оно до 40-хъ годовъ XIX вѣка старалось тщательно держать ихъ во тьмѣ невѣжества. Оно само училось по-латышски и по-эстски, лишь бы только крестьяне не выучивались по-нѣмецки и не стали въ одинъ уровень съ нимъ ¹⁶⁾.

Кромѣ этого въ веденіи судебного процесса у крестьянъ были и другія невыгоды; напр., имъ безусловно запрещено было закономъ подавать письменныя просьбы или заявленія и дѣйствовать чрезъ повѣреннаго; въ судахъ съ нихъ требовали увольнительные паспорта отъ вотчиннаго (мызнаго) правленія; судебныя записи въ силу якобы мѣстныхъ привиллегій велись на непонятномъ для крестьянъ нѣмецкомъ языкѣ ¹⁷⁾. Словомъ, организація судебного дѣла въ краѣ обставлена была такимъ образомъ, что вопросъ о правосудіи, котораго добивались крестьяне, обыкновенно ступавался предъ интересами экономическими, которые имѣло въ виду дворянство. Весь этотъ порядокъ вещей довольно тщательно скрывался отъ глаза посторонняго наблюдателя и до 40-хъ годовъ находился внѣ круга предметовъ, подлежащихъ кругозору правительства. Но о немъ знали за границей, и всѣ лучшіе люди сильно порицали его ¹⁸⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прот. Н. Лейманъ.

¹⁵⁾ Окраины Рос. III, 4—21 стр.

¹⁶⁾ *ibid.* стр. 36; Олеарій, опис. путеш. . . стр. 63; Русскій архивъ 1881, 1 к. 86 стр.

¹⁷⁾ Окраины. . . III, 19—21.

¹⁸⁾ Окраины. . . I, 4. 3; Merkel, Die Letten, vorzüglich in Livland. Leipzig; Revue des deux Mondes, 1858. 15 sept.

Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача *).

Изъ лекціи, читанной проф. Введенскимъ въ залѣ Московскаго Епарх. дома 12 Марта 1907 г.

IV.

Юридическая точка зрѣнія: право личной собственности и право наслѣдованія.

Мы познакомились съ принципомъ или, точнѣе сказать, принципами социалистической этики. Говорю: „съ принципами“, потому-что этика социализма, какъ мы теперь знаемъ, въ высокой степени эклектична и многопринципна, а точнѣе сказать—безпринципна. У нея нѣтъ никакой безусловной точки утвержденія и, потому, она осуждена, своею внутреннею логикой, скользить по наклонной плоскости въ направленіи къ аномизму или имморализму, то-есть къ отрицанію нравственности, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ, связанныхъ съ этическими основами, нравственно-правовыхъ нормъ.

Всего яснѣе это проявляется въ отношеніи социалистовъ,—опять-таки всѣхъ оттѣнковъ и фракцій, между которыми различіе, и въ данномъ отношеніи, лишь въ степени, а не въ существѣ,—къ тѣмъ основнымъ началамъ, на которыхъ держится нравственно-правовая жизнь человечества и, прежде всего, къ вопросамъ о личной собственности и правѣ наслѣдованія.

Въ сущности основная тенденція социализма въ отношеніи къ этимъ нормамъ и устоямъ жизни чисто-отрицательная. Но только, тогда какъ радикальные социалисты, наприм., представители марксистскаго толка, социаль-демократы и коммунисты, не говоря уже объ анархистахъ, совсѣмъ не думаютъ и скрывать свое радикально-отрицательное отношеніе къ нимъ,—социалисты половинчатые,

*) Продолженіе см. № 9.

представители, такъ называемаго, „правоваго социализма“ или социализма академическаго („катедеръ-социалисты“) маскируютъ свое подлинное, также чисто отрицательное, отношеніе къ вопросу и, хотя желали бы за что-нибудь удержаться, но скользятъ по наклонной плоскости и не могутъ на чемъ-либо на этой покатости остановиться.

Это обстоятельство намъ нужно теперь по достоинству оцѣнить и взвѣсить.

Когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Германіи впервые стали оформляться опыты этихъ нравственно-правовыхъ компромиссовъ со стороны „катедеръ-социалистовъ“, знаменитый историкъ и государственный Трейчке, выступившій противъ нихъ съ горячимъ протестомъ, во всеоружіи своихъ обширныхъ знаній, выставилъ, какъ точку отправленія и девизъ для себя, такое положеніе:

„Мы можемъ отнестись справедливо къ основательнымъ требованіямъ социалистически-настроенныхъ массъ,— а этихъ требованій очень много,— лишь въ томъ случаѣ, если точно будемъ знать и рѣшимся безстрашно высказать, въ чемъ мы не можемъ имъ уступить“.

Вотъ ясная постановка дѣла!

Не при помощи компромиссовъ, но чрезъ объективно-научное выясненіе и отграниченіе того, въ чемъ допустимы уступки социалистамъ и въ чемъ онѣ рѣшительно непозволительны безъ нарушенія элементарныхъ требованій правды и истины: только при этомъ условіи можно, такъ сказать, полюбовно размежеваться съ социализмомъ.

Попытаемся и мы пройти этимъ же путемъ и, съ этою цѣлю, хотя бы лишь въ бѣгломъ обзорѣ, противопоставимъ компромиссамъ такъ называемыхъ академическихъ социалистовъ общечеловѣческія нравственно-правовыя нормы.

Для того, чтобы намъ сразу же занять, въ отношеніи къ труднымъ вопросамъ, подлежащимъ теперь нашему об-

сужденію, опредѣленную позицію, намѣтимъ теперь же двѣ противоположныхъ точки зрѣнія, изъ которыхъ на одной стоятъ социалисты, а на другой та часть человѣчества, которая хочетъ жить своими традиціонными началами, этическими и правовыми, такъ какъ увѣрена, что истина съ ними.

Лассаль, въ свое время, выставилъ положеніе, сохраняющее въ лагерѣ социалистовъ силу и до настоящаго времени: „великія общественныя и нравственно-правовыя институціи, нормирующія отношенія имущественныя, семейныя, классовыя, суть категоріи *историческія*, (т.-е. подлежащія измѣненію въ историческомъ процессѣ), а не логическія“.

Трейчке, съ своей стороны, призналъ въ такой постановкѣ дѣла чисто „школьническое недомысліе“, такъ какъ,—возражалъ онъ,—всякій, кто признаетъ права разума и нравственности, равно какъ и утверждающихся на нихъ правовыхъ нормъ, *eo ipso*, тѣмъ самымъ, признаетъ и ихъ абсолютность, ибо измѣняющаяся истина и переходящая въ свою противоположность нравственность, очевидно, не суть истина и нравственность. Отсюда слѣдуетъ, что нравственно-правовыя нормы не суть категоріи историческія, какъ утверждалъ Лассаль, то-есть неподвижныя и измѣнчивыя, но *логическія*.

Намъ нужно отчетливо усвоить эту противоположность, потому-что въ ней все дѣло.

Тамъ, у Лассаля и послѣдовательныхъ социалистовъ, все въ жизни, какъ и въ области мысли, подвижно и условно: сегодня такъ, завтра иначе.

Здѣсь, у Трейчке и въ общечеловѣческомъ сознаніи, основное, нормирующее жизнь, категорично и безусловно, а потому общеобязательно и обладаетъ характеромъ законодательнымъ,—неизмѣнно въ своемъ существѣ, и непреложно.

А теперь, сдѣлавъ это необходимое принципиальное разграниченіе двухъ точекъ зрѣнія, перейдемъ къ ихъ сравнительной оцѣнкѣ, примѣнительно къ частнымъ вопросамъ, поставленнымъ выше, то-есть къ вопросамъ о личной собственности и правѣ наслѣдованія.

Сначала о правѣ личной собственности.

Если мы обратимся, прежде всего, къ представителямъ нейтральнаго или умѣреннаго (академическаго) социализма, то найдемъ, что, хотя они, исходя изъ правильной точки зрѣнія на государство, какъ синтезъ индивидуализма и коллективизма, относятся съ достаточною осторожностью къ теоріи „обобществленія“, „коллективизованія“, „націонализации“, „огосударствленія“ и т. д. частной собственности, матеріальной и духовной (открытія и изобрѣтенія), тѣмъ не менѣе и они, повинуваясь общей тенденціи социализма, дѣлають ему слишкомъ много уступокъ, такъ что и подъ ихъ ногами уже ясно чувствуется какъ бы оползаніе материковаго грунта общечеловѣческихъ нормъ. Такъ, извѣстный уже намъ Людвигъ Штейнъ,—соціологъ-философъ, посвятившій въ своей книгѣ *Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія* вопросу о собственности три обширныхъ главы, въ которыхъ рѣшительно высказывается за ограниченіе правъ накопленія капитала, правъ наслѣдованія и проч.—пишетъ *), между прочимъ, по занимающему насъ вопросу, такъ:

„Спаستись отъ роковаго перехода отъ эволюціи къ революціи (самъ Штейнъ, какъ всѣ умѣренныя социалисты, за эволюцію) всего вѣрнѣе можно только тѣмъ, чтобы съ инстинктивнымъ пониманіемъ и съ соціологическимъ тактомъ, сознательно и ловко (!), подготовить постепенный переходъ къ цѣлямъ, ставимымъ революціонерами (значитъ Штейнъ рекомендуетъ рядъ уступокъ социалистамъ-революционе-

*) Op. cit., страницы 538—9, 523—5, 545.

рамъ) . . . Всѣ мыслящіе люди признають теперь регуляторомъ общественнаго механизма общественную потребность и вытекающую изъ нея общественную нравственность (*итакъ, нравственность нормируется потребностью или, какъ въ другихъ мѣстахъ книги, общественнымъ интересомъ*). Если одна изъ общественныхъ функцій противорѣчитъ общественной нравственности,—что несомнѣнно, наприим., относительно тенденціи частной собственности къ безпредѣльному накопленію,—то вопросъ будетъ только о времени, когда этотъ гнилой членъ долженъ быть устраненъ, вырѣзанъ (!) изъ соціального тѣла . . . Уже настало время, въ интересахъ самаго пациента (капиталиста) и еще болѣе въ интересахъ общества, *приступить къ интенсивному кровопусканію (!)* раньше, чѣмъ миллиардеры погибнутъ отъ экономическаго ожиренія сердца . . . Коллективная собственность (*тезисъ*) и частная собственность (*антитезисъ*) празднуютъ теперь свое экономическое торжество братства въ синтезѣ акціонерныхъ обществъ . . . Но глубоко печально то, что потныя руки рабочихъ, подготовившихъ этотъ праздникъ и сдѣлавшихъ его возможнымъ своимъ коллективнымъ сотрудничествомъ, тщетно требуя доступа, стучать въ ворота палатцо, гдѣ происходитъ праздникъ, и тщетно до крови разбиваются о желѣзныя рѣшетки, а разряженные бездѣльники, съ гордо поднятыми головами, показываютъ свои входные билеты (акціи) и безпрепятственно проходятъ въ роковыя ворота, чтобы пользоваться продуктами труда, въ которомъ лично они не принимали никакого участія, кромѣ развѣ того, что потрудились родиться, . . .

Такъ пишетъ *умѣренный* соціологъ, возмущенный,—и кто рѣшится утверждать, что его возмущеніе совсѣмъ несправедливо?—прежде всего, аномаліями существующаго экономическаго строя, вродѣ тѣхъ капиталистическихъ вакханалій или дивидентовъ, которые, по его справедливому выраженію, „оскорбляютъ общественную стыдливость“. Но

что же, послѣ этого, сказать про *крайнихъ* социалистовъ? .. Тамъ уже не только ограниченіе, чрезъ обобществленіе, правъ собственности и, особенно, правъ наслѣдованія, но прямой призывъ къ отмѣнѣ правъ собственности, какъ „кражи“, и къ столь моднымъ теперь и—добавлю—столь, повидимому, убѣжденнымъ въ своей мнимой законности, экспроприациямъ всякаго рода и всякой формы . . . Мы видимъ, такимъ образомъ, что социалистическія ученія о собственности, начиная съ умѣренныхъ и кончая крайними, представляютъ не что иное, какъ лишь различное по формѣ выраженіе одинаково-отрицательнаго, въ сущности, отношенія къ этому общественно-государственному установленію, одному изъ самыхъ основныхъ.

Переходя къ оцѣнкѣ такого отношенія, со стороны социалистовъ, къ вопросу о собственности, мы должны, прежде всего, замѣтить, что оно,—какъ и все вообще социалистическое міросозерцаніе, какъ, въ частности, и этика социализма,—страдаетъ однимъ, весьма замѣтнымъ и повсюду дающимъ себя знать, недостаткомъ, на который мы уже указывали: смѣшеніемъ совершенно некритическимъ и даже прямо-таки неразборчивымъ, истины и лжи, правды и неправды, или такъ называемымъ у философовъ *ложнымъ единствомъ*.

Когда социалисты умѣренныхъ фракцій требуютъ, чтобы государство, опираясь на мнѣніе общества, *ограничивало* права собственниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ у миллиардеровъ, стремленіе къ обогащенію уже, дѣйствительно, переступаетъ всякіе предѣлы, или даже и въ случаяхъ приближающихся къ этимъ,—то кто станетъ оспаривать справедливость, нравственную правду этихъ требованій? .. Если бы даже,—что весьма невѣроятно,—и нашлись недовольные этимъ ограниченіемъ, которые стали бы жаловаться, что, вмѣсто, положимъ, милліона они получаютъ, вслѣдствіе проектируемыхъ ограниченій, лишь пол-

милліона годового дохода или, вмѣсто ста тысячъ, только пятьдесятъ тысячъ, то они, безъ сомнѣнія, оказались бы въ меньшинствѣ. Ибо, ужели же, въ самомъ дѣлѣ,—спросимъ вмѣстѣ съ покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ,—ужели мы можемъ позволить себѣ думать, что ряды капиталистовъ, предпринимателей, тузовъ промышленности и торговли, состоятъ исключительно изъ людей жадныхъ, скупыхъ и своекорыстныхъ? Тѣ же,—повторяю, во всякомъ случаѣ, меньшинство,—которые оказались бы, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, несвободными отъ скупости и своекорыстія, по мѣткому и остроумному замѣчанію того же Соловьева, безъ сомнѣнія, имѣли бы также *свое* право,—именно право на то, чтобы общество ихъ „пожалело и не потворствовало такому, явно ненормальному и опасному, состоянію ихъ душъ“.

Но если, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—какъ того и требуютъ умѣренные социалисты и что, добавлю, фактически уже повсюду осуществляется,—если необходимы нѣкоторыя ограниченія правъ собственности, то слѣдуетъ ли, всетаки, отсюда, что самыя эти права, въ своей основѣ и существѣ, какъ утверждаютъ радикальные социалисты, коммунисты и анархисты, мнимы и что собственность, будто бы, по извѣстному выраженію Прудона, есть не болѣе, какъ кража?

Отнюдь нѣтъ, конечно, и все это разсужденіе, въ сущности, есть крайне дѣтское разсужденіе.

Сдѣлать такой выводъ это все равно, что сказать, на прим., такъ: пища и питье, огонь и ножикъ, не имѣютъ правъ на существованіе или, по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ права на обладаніе и пользованіе ими, такъ какъ, вѣдь, несомнѣнно, что многіе ими злоупотребляютъ... О, да,—конечно, злоупотребляютъ! Но устраните или пресѣкните возможность злоупотребленій и предоставьте пользоваться ими тѣмъ, кто не злоупотребляетъ. Такъ и въ во-

просто о собственности. Зло именно в плутократии, в злоупотреблении собственностью, в хищной эксплуатации одними других, в ростовщичестве, в его простых и более сложных формах, в мамонизме, а не в самой собственности и, тем же менее, в принципе собственности. Но даже и мамона, как превосходно сказал однажды Карлейль, подобно огню, хотя и есть для неразумных самый ужасный из господь-тиранов, однако, при умелом пользовании, может быть самым полезным из слуг. Есть души, для которых „кумиръ вселенной“ или, как говорят англичане, „всемогущая гиней“ есть, в сущности, бессильная гиней: до того эти души ею связаны и ей порабощены! Но еще разъ,—разъ же изъ всѣхъ этихъ аномалій слѣдуетъ, что виноватъ принципъ, въ его правильномъ и нормальномъ проявленіи? . . . Возставайте противъ злоупотребленій и вы найдете многихъ союзниковъ, даже и среди самихъ капиталистовъ; но сохраните въ неприкосновенности и полной реальной силѣ принципъ,—иначе вы встрѣтите непримиримыхъ враговъ во всѣхъ тѣхъ, кто, удерживаясь на материковой почвѣ общечеловѣческихъ нравственно-правовыхъ нормъ, стоитъ за сохраненіе этихъ зиждущихъ силъ человѣческой культуры.

Не могу входить въ изслѣдованіе сложнаго вопроса о томъ, на чемъ основывается право личной собственности: 1) на волевомъ ли актѣ первоначальнаго владѣльца, какъ учили Гуго Гроцій и вся вообще школа представителей „теоріи захвата“; или 2) на вложенномъ въ собственность трудѣ, какъ учили Локкъ и Адамъ Смитъ; или 3) на личности человѣка, кладущей на собственность какъ бы свою печать, какъ учили Фихте и Блюнчли; или, наконецъ, 4) на общественномъ значеніи и пользѣ собственности, какъ учили Гобсъ, Монтескье и всѣ утилитаристы. Не буду вдаваться въ эту, специально юридическую, область. Но философы-моралисты, не отрицая ни одного изъ этихъ мотивовъ, ос-

нованій или источниковъ права личной собственности, въ своихъ предѣлахъ и на своемъ мѣстѣ, ни одному изъ нихъ не придаютъ, однако же, исключительнаго значенія, но ставятъ вопросъ радикальнѣе и глубже, связывая это право съ двумя основными общечеловѣческими инстинктами или, если угодно, двумя „естественными“ правами: 1) правомъ человѣка, какъ безусловной личности, на жизнь, коренящимся въ инстинктѣ самосохраненія, и 2) правомъ на то, чтобы жить достойно, какъ свойственно человѣку.

Человѣкъ, вѣдь, не только живетъ, какъ живетъ и всякое другое, ниже его стоящее, существо, живетъ не какъ животное или растеніе жизнью чисто растительною и притомъ только какъ экземпляръ своего рода, одинъ изъ многихъ, но имѣетъ еще и нравственный долгъ жить, какъ живой и необходимый членъ нравственнаго міропорядка, какъ членъ всечеловѣческаго общенія: онъ долженъ стоять на томъ посту, на какомъ поставленъ, пока его не сниметъ новая, не имъ вытребованная, постовая смѣна. Но, чтобы жить, чтобы выполнять этотъ долгъ, онъ долженъ имѣть, такъ сказать, нѣкоторое матеріальное окруженіе, основу, орудіе своей дѣятельности, а для этого долженъ прежде всего, отмежевать „свое“ отъ „чужого“: *моя* мысль, *мое* убѣжденіе, *моя* воля, *мое* усиліе, *моя* рука, нога или согнутая подъ тяжестью труда спина, *мой* трудъ, *мой* добровольный отказъ, чтобы сберечь что-нибудь изъ пріобрѣтеннаго, *мое* орудіе (молотъ есть какъ бы окаменѣвшій кулакъ, ложка или чашка есть какъ бы усовершенствованная пригоршня и т. д.). Такимъ образомъ, лишь чрезъ отдѣленіе „своего“, мнѣ принадлежащаго, отъ „чужого“, принадлежащаго другому, то-есть въ собственности, человѣкъ есть то, что онъ есть. Онъ можетъ осуществить право на жизнь не иначе, какъ въ собственности, и въ этомъ именно коренится глубочайшій источникъ и оправданіе права собственности, не исключющее, впрочемъ, возможности и иного, такъ сказать,

дополнительнаго его обоснованія—болѣе реальными мотивами, наприм., пониманіемъ собственности, какъ продукта труда или его эквивалента и проч.

На высшихъ ступеняхъ культуры смѣняются и разнообразятся лишь вещи, поступающія въ собственность. Но самое право, въ его источникѣ и основѣ, остается тѣмъ же. И чѣмъ интенсивнѣе въ томъ или другомъ человѣкѣ его чувство личности, чѣмъ сложнѣе, богаче творческими силами та или иная личность, тѣмъ выше, чище и бесспорнѣе, по общечеловѣческому взгляду, и ея право на собственность. Вотъ почему въ эпохи культурнаго расцвѣта, — когда личность, во всѣхъ ея своеобразныхъ творческихъ потенціяхъ, понимается и цѣнится особенно высоко, вслѣдствіе повышеннаго чувства къ цѣнности создаваемого гениально-личнымъ творчествомъ,—обладаніе собственностью проявляется такъ полно, во всей своей, ничѣмъ несмушающей, невинности, что никому и въ голову не приходитъ оспаривать „правъ“ этого обладанія. Вотъ почему, наприм., въ эпоху Рафаэля и Леонардо да-Винчи, по характерному выраженію Трейчке, всѣ были проникнуты такою глубокою вѣрою въ то, что царственный человѣкъ, человѣкъ-геній и творецъ, и въ мірѣ жить долженъ царственно, что его великая творческая мощь должна находить и соответствующія своей внутренней цѣнности внѣшнія условія осуществленія. Напротивъ, въ эпохи господства эгалитарныхъ (уравнительныхъ), нивелирующихъ и обезличивающихъ, общественныхъ тенденцій,—а торжество социализма именно и было бы такою нивелировкой,—сознаніе права собственности теряетъ, и по связи настроеній, по внутренней логикѣ идей, неизбежно должно терять, въ своей энергіи: „пустъ каждый, и во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ какъ всѣ“,—таковъ, въ эти эпохи, девизъ и господствующій тонъ общественныхъ настроеній! Связь здѣсь самая прямая и очевидная. Вѣдь собственность потому и есть собственность, что она

носить на себѣ печать своего обладателя, какъ создавшаго ее,—трудомъ ли своихъ рукъ, или своей головы, или усиліями своей воли, активными или пассивными (бережливость) и т. д. Печать своеобразія и личной творческой оригинальности или, по крайней мѣрѣ, *своего* труда,—причемъ должно приниматься во вниманіе не одно количество труда, но и его качество, и оно преимущественно,—какъ подпись или автографъ на вещи владѣльца: вотъ, такимъ образомъ, глубочайшій источникъ нравственного права собственности.

Покойный Вл. С. Соловьевъ заходилъ, быть можетъ, нѣсколько далеко, когда, во имя безусловнаго значенія личности, „имѣющей права на средства для достойнаго существованія“, утверждалъ, что „капиталъ, какъ такой“, то-есть, какъ „чистое произведеніе человѣческой воли“ (ибо, вѣдь, „только отъ нея зависѣло отложить часть заработка или же употребить эту долю на текущія потребности“), будто бы „долженъ быть признанъ собственностію по преимуществу“ *). Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что, наприм., мною воздѣланная нива,—особенно не только мною, но и трудами моихъ предковъ,—написанная мною книга или даже только испещренная моими замѣчаніями, (конечно, при условіи предварительнаго законнаго ея приобрѣтенія), вообще все, во что вложенъ мой трудъ, на чемъ лежитъ печать моей индивидуальности, какъ оттискъ моего духовнаго образа и характера, что носить мое духовное пусть и микроскопически-частичное, подобіе,—ужели это, пока я добровольно не уступлю всего этого другому, не можетъ быть моею собственностью? . . . Отрицать мое право на эти и подобныя вещи,—а, вѣдь, капиталъ есть только удобный эквивалентъ вещей,—пусть и съ цѣлымъ рядомъ общественно-государственныхъ нормировокъ и ограниченій, не значило ли бы это не только посягать на мое право жить, именно „жить достойно“, заслуженно-достойно? . . .

*) *Оправданіе Добра*, стр. 474, по первому изданію.

Софисты социализма, всё болѣе или менѣе проникнутые классическимъ выраженіемъ Прудона, согласно которому собственность есть, будто бы, не что иное, какъ кража, отрицаютъ это право, не смущаясь никакими нравственно-правовыми коллизіями. Но этимъ они лишь еще разъ доказываютъ, что въ ихъ міросозерцаніи не только шатки и спорны послылки, но совершенно несостоятельны и выводы, такъ какъ они состоятъ въ очевиднѣйшемъ противорѣчій съ послылками. Ибо кто же, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтитъ, что, когда, наприм., они требуютъ для пролетарія, будущаго „гражданина вселенной“, правъ на ту самую собственность, какою владѣютъ теперь имущіе классы, то они требуютъ не во имя чего-либо другаго, а во имя тѣхъ же основаній, значеніе которыхъ съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отрицаютъ относительно имущихъ классовъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, когда они требуютъ, чтобы дѣло рукъ пролетарія было отдаваемо ему, какъ его собственность, „по праву и справедливости“, то, въ сущности, становятся на ту же точку зрѣнія. Пусть это будетъ „обобществленная собственность“. Но собственникъ-общество, „коллективная единица“,—чѣмъ она, какъ юридическое лицо, отличается отъ частнаго собственника? И злоупотребленія собственностью при будущемъ социалистическомъ строѣ, несомнѣнно останутся, такъ что покойный Вл. С. Соловьевъ имѣлъ полное право сказать въ своей *Критикѣ отвлеченныхъ началъ*, что, въ сущности, „социализмъ проводитъ принципъ плутократіи съ болѣею послѣдовательностью“, чѣмъ собственники - индивидуалисты, вслѣдствіе чего социалистическій строй, какъ союзъ исключительно экономической, явился бы „крайнимъ выраженіемъ буржуазіи или мѣщанства.

Итакъ, одно изъ двухъ: или социализмъ долженъ открыто признать право собственности и ограничиться лишь работою надъ лучшею нормировкою этого права, сообразно съ основными требованіями нравственнаго попеченія о тру-

дящемся классѣ, или—долженъ понести заслуженный имъ упрекъ не только въ логическомъ противорѣчии самому себѣ, но и въ эгоистическомъ, радикально безнравственномъ, усвоеніи своимъ послѣдователямъ тѣхъ правъ, въ которыхъ онъ отказывается другимъ.

Профессоръ А. Введенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Противъ современнаго хевѣрія.

Библиографическія замѣтки.

Проф. Я. А. Богородскій. „Начало исторіи міра и человѣка по первымъ страницамъ Библии“. Казань 1906 г. I—VIII+1—442 стр., ц. 2 р. 25 к.

Есть вопросы, разрѣшеніе которыхъ всегда составляло коренную и неумолкающую никогда потребность духа человѣческаго. Это, такъ называемые, философскіе вопросы о бытіи потустороннемъ, о цѣли и смыслѣ жизни, о происхожденіи жизни, о назначеніи человѣка, о конечной причинѣ всего существующаго. На какой бы ступени умственнаго развитія человѣчество ни находилось, исходной точкой его міропониманія и самоопредѣленія всегда служило такое или иное отношеніе къ этимъ „вѣчнымъ вопросамъ жизни“. Безъ разрѣшенія ихъ, по словамъ одного великаго русскаго человѣка (Н. И. Пирогова), „умирать не хочется“, а, не рѣшая ихъ совсѣмъ, добавимъ отъ себя, „неизбѣжно—умереть“; въ лучшемъ случаѣ неизбѣжно приходится отказаться отъ права на человѣческое существованіе разумною, сознательною жизнью и, проведши послѣдовательно эвдемонистическій принципъ: „Ямы и піемы, утрѣ бо умремъ“, приложиться скотамъ несмысленнымъ и уподобиться имъ. Заглушить эти вопросы въ сознаніи человѣка не въ силахъ ни борьба политическихъ страстей, ни жизненная борьба

за кусокъ хлѣба, ни стремленіе къ соціальнымъ преобразованіямъ. Даже болѣе того. И исторія, и окружающая дѣйствительность показываютъ, что въ моменты, посвященные, повидимому, всецѣло интересамъ внѣшней, матеріальной культуры, въ моменты политическаго и соціальнаго переустройства жизни, человѣчество не только не забываетъ о вѣчныхъ запросахъ своего духа, но съ особенною настойчивостью стремится къ ихъ удовлетворенію и въ этомъ удовлетвореніи ищетъ опору для своего самоопредѣленія.

Въ настоящее время сотни книгъ и популярныхъ дешевыхъ брошюръ идутъ навстрѣчу этому стремленію человѣчества, но среди нихъ изслѣдованіе проф. Богородскаго, подъ руководствомъ начальныхъ главъ книги бытія отвѣчающее на такіе важные, жизненные вопросы, какъ вопросы о происхожденіи міра и человѣка, о природѣ и назначеніи человѣка, о первыхъ моментахъ его жизни и о роковыхъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на его послѣдующую жизнь, занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Къ безспорнымъ достоинствамъ книги нужно отнести, прежде всего, вѣрность духу мудраго ученія Церкви съ одной стороны, а съ другой, требованіямъ чистой, безпристрастной науки. *Въ противоположность туманнымъ предположеніямъ и фантастическимъ гипотезамъ представителей современнаго матеріалистическаго и позитивистическаго направленія въ наукѣ, авторъ въ основу своего изслѣдованія полагаетъ сказанія богодухновенной книги Бытія, несомнѣнную истинность которыхъ доказываетъ не путемъ апріорныхъ соображеній, а выясняетъ и раскрываетъ, подъ руководствомъ святоотеческихъ толкованій, посредствомъ строгаго объективнаго анализа этихъ сказаній и сопоставленія ихъ съ разнаго рода отрицательными воззрѣніями.* Мысль автора всегда глубокая, сильная и ясная, критика основъ и выводовъ, такъ называемой „положительной“ науки серьезная, основательная, мѣткая, не утомляющая

читателя обиліемъ сухихъ цитатъ и тонкостями научныхъ изысканій, но обращающая его вниманіе спокойно-увѣреннымъ тономъ и искреннею убѣжденностью просвѣщенного, глубоко вѣрующаго православнаго богослова—мыслителя.

По содержанію книга распадается на восемь главъ. Первая—о происхожденіи міра—послѣ разбора материалистическаго и пантеистическаго ученія о началѣ міра,—послѣ ознакомленія читателя съ языческими космогоніями, даетъ образцовый истолковательный анализъ библейскаго шестоднева. Вторая глава говоритъ о происхожденіи человѣка, о его природѣ, достоинствѣ и назначеніи. Живо излагается церковно-библейское ученіе путемъ филологическаго разбора библейскаго текста и живо, обстоятельно разбирается лженаучная гипотеза Дарвина. Въ третьей главѣ подробно изслѣдуется вопросъ о первоначальномъ жилищѣ человѣка на землѣ—о раѣ въ Эдемѣ. Въ четвертой главѣ изображается жизнь первозданныхъ людей въ раю. Пятая глава представляетъ изъясненіе библейскаго сказанія о паденіи человѣка и его послѣдствіяхъ. Шестая глава изображаетъ начальную исторію рода человѣческаго послѣ грѣхопаденія, характеръ и судьбу перваго потомства Адама. Седьмая глава защищаетъ достовѣрность библейскаго повѣствованія о всемірномъ потопѣ. Восьмая изображаетъ начальныя черты исторіи рода человѣческаго послѣ потопа, заключааясь краткой характеристикой хамитовъ, семитовъ и іафетидовъ въ разсѣяніи. Частныхъ вопросовъ и предметовъ важныхъ, интересныхъ авторомъ затронуто при изложеніи этого истиннаго начала всемірной исторіи такъ много, что ихъ трудно въ маленькой замѣткѣ и перечислить. Эти вопросы о пониманіи библейскаго „дня“, о правдоподобности и цѣлесообразности творенія свѣта въ первый день, о происхожденіи стыда, о продолжительности райской жизни, о возможности и характерѣ тѣлеснаго безсмертія прародителей, о происхожденіи зла, о долголѣтіи патріарховъ, о причинахъ

потопа, о нравственномъ значеніи столпотворенія вавилонскаго, о значеніи смѣшенія языковъ, и т. п.

Если къ указаннымъ научнымъ качествамъ и полнотѣ содержанія прибавить характеръ изложенія мыслей автора, то достоинства книги станутъ еще яснѣе. Языкъ автора такой простой, ясный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и художественный, что книга легко читается и неспециалистами. Въ виду отмѣченныхъ достоинствъ и важности предмета, дающаго руководящія нити къ пониманію всей исторіи человѣчества, серьезное и общедоступное богословско—апологетическое изслѣдованіе проф. Богородскаго заслуживаетъ полного вниманія пастыря, особенно въ наше время безвѣрія и скептицизма и смѣло можетъ быть рекомендовано имъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, пробавляющемся невѣжественными, грошевыми брошюрками.

Выписывать книгу можно изъ редакціи жур. „Православный Собесѣдникъ“ (Казань Духов. Академія) и изъ магазиновъ Дубровина (Казань Воскресен. ул.) и Голубева: Москва, Никольская ул.

С. Е. В.

Епархіальная хроника.

25-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ О. Протоіерея Ө. М. Либеровскаго, настоятеля Өирсовской церкви при богадѣльнѣ Садовникова.

28 Августа исполнилось 25-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ О. Протоіерея Ө. М. Либеровскаго. Досточтимый юбиляръ, уроженецъ Новгородской епархіи и питомецъ С.-Петербургской Дух. Академіи, по окончаніи академическаго курса, былъ опредѣленъ на службу въ Рижскую дух. семинарію преподавателемъ греческаго языка 21 іюля

1882 г., а 14 августа 1883 г. былъ назначенъ и 28 того же августа посвященъ въ санъ священника къ Оирсовской церкви Преосвященнымъ Донатомъ.

Двадцатипятилѣтняя пастырская дѣятельность о. Прот. Либеровскаго была тѣмъ добрымъ подвигомъ его жизни, въ которомъ проявились въ совершенствѣ ревность и любовь къ пастырскому служенію, а также необыкновенное усердіе въ исполненіи всѣхъ дѣлъ и порученій, возлагавшихся на него, какъ священника, епархіальною властью.

Его ревность и любовь къ пастырскому служенію всегда проявлялись въ воодушевленномъ совершеніи Богослуженій и въ усердномъ проповѣдываніи слова Божія, къ чему его влекли религіозная настроенность и природный даръ слова. О. М. Либеровскій усердно проповѣдывалъ въ урочное время и внѣурочное. Архипастырскою резолюціей отъ 30 сентября 1902 г. ему выражена была благодарность, съ призываніемъ Божія благословенія и со внесеніемъ въ послужной списокъ, за особые труды по веденію религіозно-нравственныхъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Необыкновенное усердіе въ исполненіи административныхъ обязанностей, возлагавшихся на О. Протоіерея Либеровскаго Епархіальною властью въ мѣру его недюжинныхъ способностей къ сему, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить по должности градскаго благочиннаго, каковую О. М. Либеровскій исправлялъ съ 11 іюня 1888 г. по 10-е сентября 1896 г. За тщательное составленіе благочинническихъ отчетовъ и за дѣятельность по благочинію въ 1893 г. О. М. Либеровскому была объявлена благодарность отъ Его Преосвященства и преподано благословеніе со внесеніемъ въ формуляръ. При оставленіи этой должности 10 сентября 1896 г. резолюціей Архипастыря была выражена ему душевная благодарность и преподано Божіе благословеніе за примѣрное прохожденіе должности благочиннаго свыше 8 лѣтъ со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Съ неменьшими усердіемъ и тщательностію О. Прот. Либеровскій проходилъ съ 10 сентября 1896 г., по указу Св. Синода за № 4505-мъ, должность члена Рижск. Дух. Консистеріи, въ каковой состоитъ и теперь.

Кромѣ этихъ должностей О. Прот. Либеровскій состоялъ въ должности преподавателя духовной семинаріи 25 л. (съ 21 іюля 1882 г. по 21-е іюля 1907 г.), въ должности законоучителя въ училищѣ Штегманъ съ 1883—1887 г. и—Тайловой съ 1886—1889 г. и наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ низшихъ муж. школахъ г. Риги съ 1893—1899 г. Наконецъ, онъ состоялъ да и теперь состоитъ членомъ многихъ религіозно-просвѣтительныхъ обществъ.

Поднять на себя всѣ эти труды и съ великой пользой и честью работать много способствовало о. Прот. Либеровскому отсутствіе семейныхъ заботъ и хлопотъ: о. протоіерей вдовствуетъ съ самыхъ первыхъ годовъ своей службы. Но послѣднее обстоятельство не только не умаляетъ его трудовъ, но еще больше дѣлаетъ чести нашему юбиляру, какъ человѣку, проводившему дни своего одиночества не въ развлеченіяхъ, а за трудными многочисленными дѣлами.

Великой благодарности заслуживаютъ всѣ труды и подвиги о. прот. Либеровскаго, понесенные имъ въ теченіе 25-ти лѣтней епархіальной службы, и, нужно сказать, Епархіальная Власть не оставляла ихъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. О. прот. Либеровскій имѣетъ уже всѣ награды отъ набедренника до ордена Анны II степени включительно.

Мы увѣрены, что и у ближайшихъ сослуживцевъ своихъ, а также и у духовенства епархіи о. прот. Либеровскій стяжалъ себѣ самыя искреннія симпатіи и глубокое уваженіе своими трудами, своею прямою, доступностью, искренностью и благожелательностью.

По случаю исполнившагося 25-лѣтія епархіальнаго служенія о. прот. Либеровскаго въ священномъ санѣ отъ лица

всѣхъ почитателей его мы позволяемъ привѣтствовать его и искренно вседушевно пожелать ему продолжать это служеніе и въ слѣд. четверти вѣка съ тѣми же ревностью, усердіемъ, пользою и славой, каковыя видѣли въ теченіи прошедшихъ 25 лѣтъ, и въ той же бодрости душевной и крѣпости тѣлесной, каковыми пользовался онъ до сихъ поръ.

Почитатель.

50-ти лѣтнее юбилейное торжество Каркусскаго псаломщика Матвѣя Яковлевича Антсона.

Рѣдко приходится деревенскимъ жителямъ переживать такія торжественныя минуты и чувствовать такое братское единеніе, какія переживали и чувствовали въ Каркусѣ 22-го іюля сего года. Каркусскій приходъ находится въ Перновскомъ уѣздѣ, отстоитъ отъ уѣзднаго города Пернова въ 80 верстахъ къ городу Валку. Онъ самый большой (3500) изъ эстонскихъ православныхъ приходовъ. Въ этомъ приходѣ праздновалось 22 іюля с. г. 50-ти лѣтіе службы псаломщика М. Я. Антсона церкви Божіей и народной школѣ, изъ коихъ 45 лѣтъ почтенный юбиляръ прослужилъ при одной и той же Каркусской церкви, гдѣ и въ настоящее время продолжаетъ свою честную, усердную и скромную службу псаломщика. Юбиляръ происходитъ изъ крестьянъ Лифляндской губерніи, Перновскаго уѣзда, Тестамской волости. Еще 18 лѣтнимъ юношей Антсонъ обратилъ на себя вниманіе ревностнаго поборника православія—покойнаго Тестамскаго священника Михаила Четыркина, по ходатайству котораго онъ въ 1858 г. былъ назначенъ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ, Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ, причетникомъ къ Тестамской церкви. Вслѣдствіе временнаго закрытія этой церкви Антсонъ былъ перемѣщенъ въ 1860 г. къ Садукюльской церкви, гдѣ пробылъ недолго и былъ перемѣщенъ въ томъ же году къ Мало-Іоанновской церкви. Отъ послѣдней въ 1863 г. Антсонъ былъ перемѣщенъ къ настоящей Каркусской церкви.

Такимъ образомъ безъ малости вся служба Антсона прошла въ Каркусскомъ приходѣ. Нечего говорить, что трудень и тяжелъ былъ для юбиляра пройденный имъ путь; но не смотря на матеріальную необезпеченность духовенства, отсутствіе порядочныхъ помѣщеній и вообще тяжелыхъ условій жизни духовенства того времени, юбиляръ, не споткнувшись нигдѣ и не свернувъ никуда въ сторону, честно добрался до завѣтной межи. Хотя сама по себѣ служба псаломщика скромна, но она совмѣщаетъ въ себѣ у насъ учебно-воспитательную отрасль. И здѣсь псаломщикъ Антсонъ явился усерднѣйшимъ помощникомъ священнику, опытнымъ учителемъ и воспитателемъ нѣсколькихъ поколѣній, за что Рижскими Архипастырями ему неоднократно выражалась благодарность. Ко дню торжества почтить юбиляра пріѣхали Перновскій благочинный 2 округа священникъ Николай Цвѣтковъ, прослужившій съ юбиляромъ въ Каркусѣ 12 л., Феллинскій благочинный о. Николай Лузикъ, Куркундскій священникъ о. Андрей Луга и Лайскій о. Александръ Паулусъ, прослужившіе вмѣстѣ съ юбиляромъ въ Каркусѣ—первый 9 лѣтъ, послѣдній 5 лѣтъ, Тугаланскій священникъ о. Николай Кюпаръ, Галлистскій—онъ же завѣдующій Каркусскимъ приходомъ о. Александръ Бобковскій и сынъ юбиляра Арросарскій священникъ о. Константинъ Антсонъ.

Богослуженіе было совершено соборне во главѣ съ Перновскимъ о. Благочиннымъ. Соборное Богослуженіе при множествѣ молящихся, и при стройномъ прекрасномъ пѣніи дѣтей юбиляра, учителей и псаломщиковъ другихъ церквей, прибывшихъ на торжество, прошло весьма торжественно. Почтить юбиляра и помолиться Богу, кромѣ родныхъ, явилась масса прихожанъ, оставившихъ въ этотъ день свои полевые работы. На литургіи послѣ запричастнаго стиха Куркундскимъ священникомъ о. А. Луга было сказано слово на текстъ: „возведи окрестъ очи твои сіоне и виждь, себо придоша къ тебѣ. . . отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя“. . ., а послѣ „Буди имя Господне благословенно“. . . было сказано слово Лайскимъ священникомъ о. Паулусомъ. Оба проповѣдника въ своемъ словѣ остановили свое вниманіе на почтенной личности юбиляра, на его

долголѣтней примѣрной службѣ и указали при этомъ на его уживчивый характеръ—какъ со многими бывшими его настоятелями, со своими сослуживцами, такъ и съ прихожанами. При немъ смѣнилось 13 настоятелей и каждый изъ нихъ, оставляя Каркусскій приходъ, всенародно выражалъ Антсону благодарность за его примѣрную службу, а также и за полезныя отеческія указанія и совѣты прибывшимъ въ приходъ молодымъ священникамъ. Опираясь на него, какъ на живую исторію Каркусскаго прихода, многіе острые жизненные вопросы въ приходской жизни удавалось священнику разрѣшать въ благопріятномъ смыслѣ для прихода. Въ концѣ молебна юбиляра привѣтствовалъ Феллинскій Благочинный. Отмѣтивъ послушливый, мирный характеръ юбиляра и его исполнительность служебную, онъ выразилъ ему глубокую благодарность за столь долгую безпорочную службу своему народу и просилъ также принять поздравленіе и благопожеланіе отъ священно-церковнослужителей всего Феллинскаго Благочинія.

Послѣ молебна духовенство и прихожане собрались въ причтовомъ домѣ, гдѣ юбиляра еще разъ привѣтствовалъ Феллинскій о. Благочинный, передавъ ему прекрасный, цѣнный подарокъ отъ Феллинскаго благочинія. Прихожане въ лицѣ своихъ представителей—членовъ Приходскаго Попечительства поднесли юбиляру деньгами около 80 руб., а собранія выборныхъ Поллиской, Беклерской и Каркусской волостей поднесли юбиляру по 25 руб. на основаніи опредѣленія схода выборныхъ—въ знакъ благодарности за его долголѣтнюю службу въ Каркусскомъ приходѣ. Были сдѣланы подношенія и отъ другихъ почитателей и сослуживцевъ юбиляра. Затѣмъ всѣ гости были приглашены юбиляромъ откусать у него хлѣба-соли. За столомъ Феллинскимъ Благочиннымъ было провозглашено Высокопреосвященнѣйшему Агаангелу, Архіепископу Рижскому и Митавскому многолѣтіе. Громогласное и дружно подхваченное многолѣтіе было пропѣто всѣми присутствующими—духовенствомъ и прихожанами. Затѣмъ Перновскій Благочинный произнесъ тостъ въ честь юбиляра, отмѣтивъ добрыя качества юбиляра, какъ въ его служебномъ положеніи, такъ и въ семейной его жизни и пожелалъ ему дальнѣйшаго

жизненнаго успѣха въ виду его бодрого духа и крѣпости тѣлесной. Было сказано еще немало здравицъ и пожеланій юбиляру, его семейству и присутствующимъ на празднествѣ бывшимъ настоятелямъ Каркусской церкви. Не забыты были и почившіе настоятели Каркусской церкви—сослуживцы юбиляра. Имъ по желанію юбиляра всѣми присутствующими была пропѣта „вѣчная память“. Въ тотъ же день юбиляръ получилъ много письменныхъ привѣтствій и телеграммъ отъ родныхъ, сослуживцевъ и бывшихъ его учениковъ.

Ты, дорогой юбиляръ, счастливъ сознаниемъ полувѣковой службы. Не у всякаго силы достанетъ перейти поле жизни. Кто идетъ и собьется съ прямого пути, кто, дойти не успѣвши, устанетъ, а кого поразитъ грозный смерти ударъ, — и падетъ на пути поневолѣ. Ты съумѣлъ перейти это поле! Не споткнувшись нигдѣ, не свернувъ никуда, до завѣтной межи ты добрался. Ты въ дальнѣйшей намѣренъ отправиться путь,—дай же Богъ тебѣ счастья и силы, чтобы могъ Ты у новой межи отдохнуть.

31 іюля 1908 г. м. Куркундъ.

Куркундскій—бывшій Каркусскій Священникъ *А. Луа.*

Содержаніе № 17.

Отдѣлъ официальный. — Епархіальныя извѣстія. — Воззваніе.
Отдѣлъ неофициальный. — Слово въ недѣлю о разслабленномъ. Свящ. В. Попова. — Судьба Православія въ Прибалт. краѣ Прот. Н. А. Леймана. — Соціализмъ, какъ нравственно-теоретическая задача. Проф. А. Н. Введенскаго. — Противъ современнаго невѣрія. Библиографическая замѣтка о соч. Богородскаго „Начало исторіи міра и человека“. — Епархіальная хроника: Юбилей о. прот. Либеровскаго. — Юбилейное чествованіе псаломщика Антсона.

И. д. Редактора, преподав. дух. сем. свящ. **Іоаннъ Щукинъ.**

Печ. дозв. 3 сентября 1908 г. — Цензоръ, Каедр. Прот. **Владиміръ Плиссъ.**
Типографія Г. Гемпель и Ко. Рига, Крѣпостная ул. № 7.